

(«с жива суща»). Рисунок был, вероятно, небольшого размера (художник исполнил его на листе пергамента) и, по-видимому, не имел самостоятельного значения, а должен был служить подготовительным материалом для возможного живописного произведения, как и те «изразцы иконныя», к которым он был присоединен, т. е. был в какой-то мере подобен этюду. Этот портретный рисунок с натуры дал основание к написанию, уже другим художником, образа Евфросина.

Рассказ неизвестного автора начала XVI в. о древнерусском икононике, который делает портретный рисунок с натуры, не является единственным в старой русской письменности. Симон Азарьин, например, в биографии Дионисия, архимандрита Троице-Сергиевой лавры, пишет, что, когда этот выдающийся деятель начала XVII в. скончался и положен был во гроб, «некоторые иконописцы подобие лица его на бумаге начертаху».¹³ «Подобия», «начертанные» иконописцами с Дионисия, представляли собой, несомненно, такие же подготовительные рисунки, как и рисунок, сделанный Игнатием.

История третьего изображения известна по преданию. Это изображение — небольшая икона Кирилла Белозерского, сохранившаяся до наших дней и находящаяся в Третьяковской галерее, куда передана из бывшего Кирилло-Белозерского монастыря. Художнику этой иконы-портрета, пишет В. Н. Лазарев, «удалось создать поразительно живой образ. Перед нами кряжистый старичок с окладистой бородой, с добрым, приветливым, умным лицом. Его коренастая фигура как бы выросла в землю. Такие люди колонизовали Север, прокладывая дороги, вырубая леса, расчищая землю для пашен, основывая монастыри. Здесь воплощен идеал не только нравственно сильного, но и деятельного человека».¹⁴ По преданию, икона написана прославленным в свое время художником Дионисием Глушицким (1362—1437).¹⁵ Верно или неверно свидетельство предания — в данном случае не существенно. То, что рассказывалось в нем об образе Кирилла, интересно само по себе. Предание нашло свое отражение в древних монастырских документах, начиная с записи 1565 г. во вкладной книге В описи монастыря 1601 г. отмечено, что образ Кирилла «писал преподобный Дионисий Глушицкий при чудотворце Кирилле». Запись в приходно-расходной книге 1614 г., помеченная 24 сентября, говорит об образе: «его же писал чудотворец Дионисий Глушицкий при животе чудотворца Кирилла».¹⁶ Подобные записи делаются и в более поздних монастырских описях. Эти постоянные указания на то, что образ Кирилла был написан при его жизни, имели, надо думать, большее значение, чем простая памятка о времени исполнения изображения.

В 1614 г. для иконы, которая стояла в соборе Кирилло-Белозерского монастыря, был изготовлен деревянный резной, позолоченный киот, хранящийся в настоящее время в Кирилловском музее. По верху и низу киота расположена также резная надпись; в ней сказано, кто и когда написал икону и когда был устроен киот: «Образ чюдотворца Кирила списан преподобным Дионисием Глушицким еще живу сущу чюдотворцу Кирилу в лето 6932 [1424] году]. Зделан сии киот в домъ пречистыя чюдотворца

¹³ Арсений Исторические сведения об иконописании в Троицко-Сергиевой лавре. Сборник на 1873 г., изд. Обществом древнерусского искусства, М., 1873, стр. 120.

¹⁴ В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Новгорода. — В кн.: История русского искусства, т. II. М., 1954, стр. 266.

¹⁵ Варлаам. Описание историко-археологических древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре. М., 1859, стр. 9—11; В Лебедев Иконописные труды преп. Дионисия. Вологда, 1900, стр. 7 и 8.

¹⁶ Варлаам. Описание историко-археологических древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре.